

ВОСПОМИНАНИЯ

К. С. МОСКАЛЕНКО

Заместитель министра обороны СССР, Маршал Советского Союза,
Герой Советского Союза,
Герой Чехословацкой Социалистической Республики

В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ И ПОЛЬШИ*

После завершения Львовско-Сандомирской операции в конце августа 1944 г. 38-я армия, которой я тогда командовал, вместе со всеми войсками 1-го Украинского фронта согласно директиве Ставки от 30 августа перешла к обороне. Позади были полтора месяца напряженных боев, и дивизии нуждались в отдыхе и пополнении. 1 сентября я отдал соответствующий приказ войскам. Он предусматривал создание прочной обороны с целью не допустить прорыва противника в полосе армии. В тот же день соединения и части приступили к выполнению этой задачи. Но жизнь внесла коррективы в наши намерения. 2 сентября я был неожиданно вызван к командующему фронтом. Тотчас же выехал к нему на командный пункт. Причина вызова была мне неизвестна. Но было ясно, что я нужен маршалу И. С. Коневу неспроста и что в его планах произошли серьезные изменения. Путь на командный пункт фронта был недалек, и вскоре я увидел озабоченного и в то же время находившегося в приподнятом настроении И. С. Конева. Он тут же сообщил мне, что решил использовать 38-ю армию для наступательной операции через Карпаты с целью оказания помощи Словацкому национальному восстанию.

История этого восстания ныне широко известна. Словацкое «самостоятельное государство» было образовано гитлеровской кликой в марте 1939 г. после оккупации Чехии и Моравии фашистской Германией. Гитлеровцы контролировали политическую и хозяйственную жизнь Словакии. По их указанию марионеточное правительство создало армию, одной из главных задач которой было участие в войне на стороне Германии. Однако солдаты и офицеры, направленные на советско-германский фронт, переходили на сторону Советской Армии. Словацкая бригада еще в июле 1941 г. предприняла попытку перейти в районе г. Липовец на сторону советских войск. Этому помешала лишь недостаточная договоренность с командованием действовавших там частей нашей 12-й армии¹. В 1942 и 1943 гг. оставленные для охраны коммуникаций словацкие солдаты большими группами уходили в партизанские отряды.

Теперь в штаб фронта поступили сведения, что в Словакии в связи с выходом советских войск к Карпатам уже в начале 1944 г. заметно активизировались антифашистские группы. Эти группы объединяла и сплачивала на активную борьбу с оккупантами и их прислужниками Коммунистическая партия Чехословакии. Образовалось много новых партизанских отрядов коммунистами.

* Из готовящейся к печати в издательстве «Наука» книги К. С. Москаленко «На Юго-Западном направлении. 1943—1945 гг.».

¹ Архив МО СССР, ф. 228, оп. 701, д. 43, л. 1.

Марионеточное правительство, напуганное угрозой народного восстания, решило принять требование гитлеровцев о вводе их войск в Словакию. Немецко-фашистское командование начало вводить в Словакию полицейские войска, снятую с фронта 357-ю пехотную дивизию и другие части. Узнав об этом, партизаны спустились с гор и перешли в наступление. На их сторону переходили отдельные словацкие гарнизоны. 29 августа национально-освободительное движение в Словакии в ответ на оккупацию страны немецко-фашистскими войсками переросло в вооруженное восстание, в котором инициатива принадлежала трудящимся массам. Боевые действия народа и партизан сразу же приняли широкий размах. Восстанием руководила Коммунистическая партия Чехословакии. Выдающуюся роль в его организации играли видные деятели партии К. Шмидке, Г. Гусак, Я. Шверма, Л. Новомесский.

К вечеру 30 августа под контролем восставших и партизан оказались две трети территории Словакии. Город Банска-Бистрица стал организационным и политическим центром восстания. Расположившийся здесь Словацкий Национальный Совет объявил о взятии законодательной и исполнительной власти. Однако вскоре восставшие столкнулись с серьезными трудностями. Эмиссары находившегося в Лондоне эмигрантского буржуазного правительства Чехословакии хотели подчинить народное движение своим целям. Учитывая то обстоятельство, что большая часть высшего командного состава разлагавшейся словацкой армии искала способы уйти от ответственности за сотрудничество с германским фашизмом, эмигрантское правительство надеялось с помощью реакционного офицерства захватить ключевые позиции в стране до прихода Советской Армии. Оно вынашивало план восстановления прежних буржуазных порядков в стране после разгрома фашистской Германии, намереваясь добиться этого с помощью военного переворота, произведенного лишь силами армии и полиции. Офицеры, привлеченные к разработке плана военного восстания, были против того, чтобы его связать с действиями народных масс и партизанских отрядов.

Повстанцы, имея только легкое вооружение, вынуждены были вести боевые действия на широком фронте против врага, располагавшего артиллерией, танками и авиацией. Теснимые со всех сторон словацкие повстанцы могли надеяться только на помощь Советской Армии.

31 августа к Советскому правительству обратился с просьбой о военной помощи чехословацкий посол в Москве. В тот же день на командный пункт 1-го Украинского фронта прибыл перелетевший линию фронта заместитель командира Восточнословацкого корпуса полковник Тальский. Он сообщил, что две дивизии Восточнословацкого корпуса могли бы перейти в наступление навстречу войскам Советской Армии с задачей ударить с тыла по немецко-фашистским войскам в Восточных Бескидах (часть Карпат) и открыть для советских войск Дуклинский и Лупковский перевалы.

Обо всем этом и рассказал мне в общих чертах маршал И. С. Конев. Он добавил, что Советское правительство рассмотрело ситуацию и пошло навстречу просьбе повстанцев. Немедленно была усилена материальная помощь патриотам Словакии и принято решение подготовить и провести в поддержку народного восстания наступательную операцию в Словакии частью сил 1-го Украинского фронта.

С волнением слушал я все, что говорил И. С. Конев. Решение нашего правительства, выражавшее искренние чувства дружбы советского народа к народам Чехословакии, ставшим жертвой немецко-фашистской агрессии, вызывало глубокое удовлетворение. Подумалось и о том, что идея нанесения удара в Карпатах для оказания помощи повстанцам должна была стать реальностью даже вопреки складывавшейся тогда военно-оперативной обстановке.

Мысль нанести удар через Карпаты с выходом на Венгерскую низменность возникла еще во время июльско-августовского наступления 1-го Украинского фронта. Тогда войска нашего фронта глубоко обошли фланг группы армий «Южная Украина», находившейся в Советской Молдавии и Румынии. В ходе операции в полосе 1-го Украинского фронта, кроме основного, западного, направления, выделилось еще одно самостоятельное операционное направление — через перевалы Карпатского хребта на Венгерскую низменность. Командование и штаб фронта уже не могли успешно руководить боевыми действиями на расходящихся направлениях одновременно, поэтому был создан 4-й Украинский фронт. В его состав вошли две армии из состава 1-го Украинского фронта — 1-я гвардейская под командованием генерал-полковника А. А. Гречко, 18-я

под командованием генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева, а также 8-я воздушная армия (командующий генерал-лейтенант авиации В. Н. Жданов). Командующим фронтом был назначен генерал-полковник И. Е. Петров, членом Военного совета — генерал-полковник Л. З. Мехлис, начальником штаба — генерал-лейтенант Ф. К. Корженевич. 4-й Украинский фронт получил задачу продолжать наступление, захватить и прочно удерживать перевалы через Карпатский хребет в направлениях Гуменне, Ужгород, Мукачева с последующим выходом в Венгерскую долину.

Его войска, выполняя директиву Ставки, продвигались вперед по покрытым лесами предгорьям Карпат. 6 августа 1-я гвардейская армия штурмом овладела последним по счету областным центром Украины — Дрогобычем. На следующий день был освобожден центр нефтедобычи — Борислав.

15 августа Ставка разрешила 4-му Украинскому фронту временно перейти к обороне с целью подтянуть тылы, пополнить войска, непрерывно наступавшие уже более месяца, и подготовить их к действиям в горно-лесистой местности. Новое наступление намечалось на 28 августа. Но за два дня до этого оно было отменено.

Дело в том, что Ставка Верховного Главнокомандования, внимательно следившая за развитием событий в Львовско-Сандомирской наступательной операции, увидела в глубоком обходе войсками 1-го Украинского фронта фланга вражеской группы армий «Южная Украина» новые возможности для разгрома гитлеровских войск в Советской Молдавии и Румынии. 20 августа в наступление против группы армий «Южная Украина» перешли войска 2-го и 3-го Украинских фронтов. На пятый день операции была окружена, а затем и ликвидирована основная масса немецко-фашистских войск. Это вновь резко изменило обстановку. Войска 2-го Украинского фронта получили возможность выйти на Венгерскую равнину с юго-востока и в дальнейшем действовать в обход Чехословакии с юга. Таким образом, отпадала необходимость нанесения фронтального удара значительными силами с целью преодоления Карпат. Выгоднее было наступать в западном направлении, обходя горный массив Карпат с севера, разгромить там немецко-фашистские войска и перенести боевые действия на территорию Германии, а против гитлеровских частей в высокогорных районах Чехословакии выставить лишь заслоны наших войск.

И все же Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение наступать в Карпатах, что было затруднительно в военном отношении, но необходимо с точки зрения немедленной помощи героической борьбе словацких повстанцев. Верные ленинским принципам пролетарского интернационализма и высокой освободительной миссии, советский народ и его армия бескорыстно протягивали руку помощи народам Чехословакии. Так возник замысел Карпатско-Дуклинской наступательной операции наших войск — первого шага в освободительной миссии Советской Армии в Чехословакии.

Вернемся к прерванному рассказу о беседе с И. С. Коневым. Его соединили с Москвой по ВЧ, и я слушал, как он докладывал Верховному Главнокомандующему о своем решении возложить проведение операции на ставшую левофланговой 38-ю армию. «В ближайшие дни, — говорил он, — армия будет пополнена личным составом, вооружением и другими материальными ресурсами, усилена танковым и кавалерийским корпусами, а также артиллерийской дивизией прорыва и через восемь — десять дней будет готова к наступательной операции». По характеру дальнейшего разговора я понял, что И. В. Сталин не был удовлетворен этим сроком и напомнил о необходимости оказать помощь восстанию как можно скорее. Верховный потребовал начать наступление через пять, максимум через шесть суток. Затем он одобрил предложение И. С. Конева о нанесении вспомогательного удара из района Санока силами одного из стрелковых корпусов 4-го Украинского фронта и пообещал дать соответствующее распоряжение. Просьба передать нам 1-й чехословацкий армейский корпус, находившийся тогда в составе 4-го Украинского фронта, также была удовлетворена. Затем И. С. Конев подвел меня к карте и продолжил изложение цели операции. В заключение он поставил армии задачу, которая состояла в том, чтобы выйти на словацкую территорию и соединиться со словацкими частями и партизанами, ведущими борьбу с немецкими захватчиками. Возвратившись в тот же вечер к себе, я рассказал обо всем этом члену Военного совета Ф. И. Олейнику. Затем наметил задачи начальнику штаба В. Ф. Воробьеву, начальником родов войск и служб. Так мы начали готовить наступательную операцию.

Командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конеv и командующий 38-й армией генерал-полковник К. С. Москаленко на наблюдательном пункте 38-й армии

Необычным в ней было прежде всего то, что она должна была развертываться на горной местности. Все предшествующие годы наша армия сражалась на равнине. Привычными были степи и леса, где армия сначала умело оборонялась, а затем стремительно наступала и морозной зимой, и в летний зной, и в распутицу, форсируя многочисленные малые и большие реки. Всему этому мы научились. Теперь предстояло приобрести опыт действий в горах. И не на полигонах — для этого не оставалось времени, — а в боях с противником. Перед нами высились хребты покрытых лесом гор. И чем дальше, тем выше были их вершины, окутанные дымкой облаков. Не могло быть и речи об обходе гор, их нужно было брать ударом в лоб. Ведь к этому и сводилось решение, принятое Ставкой и командующим фронтом. И надо было при любой обстановке выполнить поставленную задачу, преодолев для этого и горы и, несомненно, ожидавшее нас упорное сопротивление врага, чья оборона в этих условиях наверняка была особенно мощной.

Опыт ведения таких войн трудно было искать в прошлом. Правда, в период первой мировой войны через Карпатские горы прорвалась дивизия генерала Корнилова, известного впоследствии злейшего врага молодого Советского государства. Но и она в районе Ужгорода была окружена и взята в плен противником. Вторая мировая война ничего не прибавила к этому «опыту» до сентября 1944 г., кроме борьбы на Кавказе, где мы вначале оборонялись, а потом перешли в наступление.

4 сентября я получил директиву фронта, в которой задачи, ставившиеся армии, были конкретизированы. Они состояли в следующем.

1. Наступать группировкой в составе шести стрелковых дивизий, 1-го чехословацкого, 1-го гвардейского кавалерийского и 25-го танкового корпусов, усиленной 17-й артиллерийской дивизией прорыва, двумя бригадами РС «М-31», одним полком РС «М-31».

2. Прорвать оборону противника на участке Непля, Оджиконь, развить наступление в направлении Поток, Дукля, Тылява, Прешов, после чего соединиться с повстанцами на территории Словакии.

3. Для прорыва вражеской обороны иметь в первом эшелоне четыре стрелковые дивизии, а во втором эшелоне — две. Для развития прорыва в дальнейшем использовать кавалерийский, танковый и чехословацкий армейский корпуса.

4. В первый день операции выйти на рубеж Ясло, Осек, Кобыляны, Ивонич, Взянка, во второй — с рубежа Змигруд Новы — Дукля ввести в бой перечисленные выше корпуса и, стремительно развивая наступление, достичь на третий день границы Словакии, на пятый — овладеть ст. Любонная, Сабиновом и Прешовом.

5. По мере развития наступления организовать прочную оборону справа по рубежу Шебне, Ясло, Осек, Смерековец, Тыляч тремя стрелковыми дивизиями. Охватывая Кросно с запада, свернуть оборону противника влево, в направлении Ясьлиска, и установить взаимодействие с частями 1-й гвардейской армии, которые будут наступать из района Санок на Команча.

Итак, нам предстояло наступать через ту часть Карпат, которая называется Восточными Бескидами. Это горная цепь высотой до 700 м, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток. Наиболее доступным для движения войск был признан Дуклиевский перевал (высота 502 м), через который проходит шоссе Кросно — Прешов. Здесь много речек и ручьев, вливающих в конечном итоге в Вислу на севере и Дунай на юге. Их каменистые русла лежат в узких долинах. Даже при незначительных осадках уровень воды в них быстро повышается. Обильные же осенние дожди превращают их в бурные горные потоки, несущие множество камней и начисто сносящие не очень прочные мосты. Самыми серьезными водными преградами могли стать для нас реки Вислок, Ясюлька и Ондава. Они не очень широки (100—150 м), но расположены в узких долинах и глубоких ущельях, увеличивающих трудности форсирования.

Картина будет неполной, если не учесть плохо развитую дорожную сеть. На северных склонах Карпат в среднем на 10—15 км фронта приходилась одна дорога, а в глубине гор — еще меньше. Шоссе при ширине не более 6 м и крутизне подъема в 10—15°, а местами до 20—25° могло обеспечить весьма невысокие темпы передвижения войск. Грунтовые же дороги оказались малопригодными даже для гужевого транспорта. Во время дождей они быстро раскисали и превращались в сплошное месиво.

Условия театра боевых действий благоприятствовали обороняющемуся противнику. Немецко-фашистское командование готовилось любой ценой удержать Восточные Бескиды, так как их оперативное значение было чрезвычайно велико. Они прикрывали кратчайший путь из западных областей Украины и Польши в Восточную Словакию и Венгрию. И нашего удара отсюда гитлеровцы боялись даже позднее, когда войска 2-го Украинского фронта вступили в Венгрию с востока и подошли к Будапешту.

Гитлеровское командование заблаговременно сооружало прочную оборону в Восточных Бескидах. По его приказу две словацкие дивизии еще в мае 1944 г. начали здесь инженерные работы. Наиболее сильная полоса создавалась вдоль Главного Карпатского хребта, но к августу она не была полностью готова. Поэтому отступавшие немецко-фашистские войска заняли другой рубеж — в предгорьях Карпат, на линии Гоголув, левый берег р. Вислок, Кросно, Веско, Санок.

Здесь и проходил теперь передний край главной полосы обороны противника, которую он продолжал усиленно укреплять. К началу нашего наступления она состояла из двух позиций. Первая включала систему опорных пунктов, оборудованных на выгодных в тактическом отношении высотах и в крупных населенных пунктах. В сильный опорный пункт был превращен г. Кросно, являвшийся важным узлом дорог. Враг опоясал его сплошной траншеей, подступы на главных направлениях заминировал, улицы перекрыл баррикадами. В подвалах каменных домов были установлены пулеметные гнезда. Отдельные дома и перекрестки улиц заминированы. Широко использовались «сюрпризы» из мин и фаустпатронов. Прочно укрепили гитлеровцы и район населенных пунктов Беско и Сенява, находившихся на левом фланге нашей армии. Они прикрывали горные проходы, ведущие во фланг и тыл кросненской группировки.

В конце августа в 8—15 км от переднего края начались работы по оборудованию второй полосы обороны. Она проходила по северным склонам горного хребта. Здесь, на высотах, и были оборудованы опорные пункты, состоявшие из отдельных окопов и траншей. Наконец, был еще и промежуточный рубеж, для создания которого гитлеровцы согнали местное население. Он тянулся в 16—20 км от переднего края главной полосы обороны по линии Ясло, Змигруд Новы, Лыса Гура, Дукля и далее на юго-восток. Все эти населенные пункты были превращены в сильные узлы обороны. На-

более мощный из них находился в Дукле. Он-то и прикрывал шоссе, ведущее на одноименный перевал через Карпаты. Устойчивость обороны в значительной степени усиливалась условиями горно-лесистой местности. Кроме того, шоссе и основные грунтовые дороги, вдоль которых должны были двигаться советские войска, противник заминировал, установил деревянные и каменные завалы, а мосты подготовил к взрыву.

В то же время характер района предстоявших боевых действий снижал наступательные возможности наших войск. Если пехота с пулеметами и минометами могла наступать в любых направлениях и рассчитывать на поддержку и сопровождение полковой артиллерии на конной тяге, то для артиллерии средних и крупных калибров на механической тяге требовались дороги с твердым покрытием и небольшими подъемами. И то, что их не хватало, вело к сокращению возможности маневра, понижало эффективность огня. Даже ведение артиллерийской разведки и выбор огневых позиций превратились в трудные проблемы. О танках и говорить нечего: они могли двигаться только по дорогам и долинам, в основном в колонне. К тому же следует учесть, что войска 38-й армии получили мало обученное пополнение в самый канун наступления. Уже в ходе операции приходилось учить войска извлекать даже из таких условий местности выгоды для уничтожения противника и решительного продвижения вперед. Конечно, все эти трудности стали очевидными для нас в полном объеме уже в ходе операции. Однако основные из них были ясны и перед ее началом. Знали мы и о силах противостоявшего врага.

В первых числах сентября на кросно-дуклинском направлении в полосе 38-й армии оборонялись 545-я, 208-я, 68-я дивизии и несколько отдельных батальонов противника. Наиболее плотные группировки враг создал на флангах. Несколько слабее был его центр. При всем том тактические резервы противника были не так уж сильны, а оперативные заняты подавлением народного восстания в Словакии. Впрочем, не исключалась переброска резервов с соседних участков, расположенных севернее Карпат, где наши войска везде перешли к обороне.

Анализ всех обстоятельств привел нас к выводу, что, несмотря на трудности, мы добьемся успеха при прорыве обороны и действиях в глубине. Этому должны были способствовать скрытная подготовка операции, внезапность удара, максимально высокие темпы наступления. В таком духе давал мне наставления и командующий фронтом. Однако в действительности все оказалось гораздо сложнее, о чем я скажу ниже.

Обдумывая предстоящую операцию, я понимал, что выполнение задачи зависело от быстроты разгрома врага в предгорьях Карпат, стремительности удара подвижными соединениями — кавалерийским и танковым корпусами. Мы должны были упредить противника в занятии укреплений Дуклинского перевала, чтобы своевременно выйти в районы, контролируемые восставшими словаками. Глубина операции равнялась 90 км. Это расстояние мы должны были преодолеть за 5 дней. Важным звеном плана, облегчавшим его выполнение, являлось предполагаемое встречное наступление 1-й и 2-й словацких дивизий к перевалам Карпатского хребта.

Для подготовки операции войска армии имели, если даже считать с момента моего возвращения с командного пункта маршала И. С. Конева, всего лишь пять суток, а со времени получения директивы фронта еще меньше — четыре дня. Сделать же нужно было много.

К тому же выявились и дополнительные трудности. Одна из них заключалась в нехватке танков непосредственной поддержки пехоты, ставшей слабым местом в боевых порядках. Из положенных по штату средств армия имела 12-й танковый и 349-й гвардейский тяжелый самоходно-артиллерийский полки, но в них насчитывалось только 22 бронеединицы. Пришлось пойти на вынужденную меру — взять 25 из 86 имевшихся танков и самоходно-артиллерийских установок 25-го танкового корпуса, предназначенного для развития успеха. Но и после этого мы смогли дивизиям первого эшелона дать лишь по 12 танков. Такое количество, если учесть, что каждая из них имела 2-километровый участок фронта, не могло сыграть существенной роли при прорыве вражеской обороны.

Чтобы восполнить этот пробел, было решено сформировать в дивизиях по два штурмовых батальона. Они должны были после окончания артиллерийской подготовки действовать впереди боевых порядков и, ворвавшись на передний край противника,

захватить важнейшие опорные пункты и ликвидировать таким образом возможный разрыв между окончанием артиллерийской подготовки и началом атаки главных сил. Штурмовым батальонам и были приданы танки непосредственной поддержки пехоты.

Вообще же бронетанковых войск у нас было мало. Из имевшихся 108 бронеединиц 47, как сказано выше, было выделено для непосредственной поддержки пехоты. Таким образом, для развития успеха в глубине оставалось всего 33 танка и 28 самоходно-артиллерийских установок. К этим трудностям несколько позднее добавились и другие, вызванные тем, что штаб 25-го танкового корпуса недостаточно внимательно и четко провел разведку маршрутов выдвижения с исходных позиций.

Особые надежды мы возлагали на «бога войны». И в Карпатско-Дуклянской операции артиллерии была отведена ведущая роль. 82,2% всей имевшейся артиллерии мы расположили на направлении главного удара. Основная ее масса была сосредоточена в артиллерийских группах поддержки пехоты и в дивизионных артиллерийских группах. Это должно было обеспечить самостоятельность действий стрелковых полков и дивизий, столь необходимую при наступлении в горно-лесистой местности. Учитывая ограниченное количество дорог, мы только в дивизиях создали противотанковые артиллерийские группы, предназначавшиеся для отражения контратак танков противника. Во время же артиллерийской подготовки и они привлекались для ведения огня прямой наводкой по целям, выявленным на переднем крае вражеской обороны. Кроме того, в армии были созданы две артиллерийские группы, из которых одна включала всю реактивную артиллерию, а другая — ствольную артиллерию крупных калибров. Для артиллерийской подготовки намечалось 1517 орудий и минометов из 1724. Артиллерийскую поддержку атаки планировалось осуществить методом огневого вала в сочетании с последовательным сосредоточением огня, ведущегося в течение часа по рубежам, расположенным в 100 м один от другого, всего на глубину 1,5 км. Неплохо было спланировано и авиационное обеспечение. Таким образом, многое давало уверенность в том, что в установленный пятидневный срок армия сумеет преодолеть Карпаты и соединиться со словацкими повстанцами. Залогом успеха должны были стать скрытное сосредоточение войск, внезапность первоначального удара, разгром вражеских войск в тактической зоне обороны и непрерывность наступления подвижных соединений.

Верой в успешное выполнение новой задачи были охвачены все воины армии. В тот период мы переживали большую радость по поводу завершавшегося освобождения родной земли. Это чувство дополнялось сознанием предстоявшей нам, как и всей Советской Армии, высокой освободительной миссии в отношении поработанных фашизмом народов Европы. Когда же стало известно, что мы идем на выручку к словацким повстанцам, то еще большее воодушевление охватило войска.

Огромную по масштабам и содержанию работу провели в короткий период подготовки к операции политсостав, партийные и комсомольские организации фронта под руководством начальника политуправления генерала С. С. Шатилова. Они сделали все для того, чтобы каждый наш воин знал и понимал сущность предстоявшей операции и свою непосредственную задачу.

Атака 38-й армии началась 8 сентября в 8 час. 45 мин. Ей предшествовала 125-минутная артиллерийская и авиационная подготовка. Но прорыв осуществлялся успешно только на узком центральном участке фронта наступления армии, где была сосредоточена мощная ударная группировка. На флангах же, имевших слабые силы артиллерии и растянутые стрелковые соединения, которые не обладали достаточными возможностями для прорыва вражеской обороны, успех не был достигнут. Не удалось, в частности, захватить г. Кросно. Бой за него принял затяжной характер. Эти лишили нас лучших дорог в полосе прорыва. Выдвигавшиеся корпуса подвижной группы и второго эшелона армии вынуждены были двигаться вслед за первым эшелоном, что привело к перегрузке дорог, к сковыванию маневра. Замедление марша ставило под угрозу срыва план одновременного ввода в сражение указанных корпусов, а это в свою очередь грозило потерей темпа развития операции с утра следующего дня. В течение ночи обстановка резко ухудшилась.

Немецко-фашистское командование опасалось выхода советских войск в районы, контролируемые повстанцами в Словакии, и дальнейшего прорыва в Венгрию. Оно еще

надеялось создать новый фронт в Южных Карпатах и остановить войска 2-го Украинского фронта, удержав позиции на Балканах и в Дунайском бассейне. Наступление же 38-й армии угрожало не только потерей всего этого, но и захватом коммуникаций находившихся там фашистских войск. Поэтому вражеское командование после первых же донесений о нашем ударе приступило к срочной переброске в полосу наступления 38-й армии значительных сил с других участков фронта.

В первый день нашего наступления сюда были спешно направлены 1-я танковая дивизия с Сандомирского плацдарма, 8-я танковая дивизия из-под Кракова, 338-й пехотный полк 208-й пехотной дивизии и разведывательный отряд 68-й пехотной дивизии. Две последние части, прибывшие из Словакии, где они сражались против восстановивших, уже вечером 8 сентября вступили в бой в районе шоссе, идущего на Дуклю. В район прорыва из полосы 4-го Украинского фронта прибыла 75-я пехотная дивизия. Захваченные вскоре пленные сообщили, что она совершила изнурительный марш и на рассвете 9 сентября была введена в бой с задачей отбросить прорвавшиеся части Советской Армии к северу и восстановить положение западнее и юго-западнее Кросно. Но это было только начало. Вскоре переброска сил и средств противника приняла еще большие размеры. Однако это не означало, что нам не удалось достигнуть тактической внезапности первого удара. Тот факт, что противник не ожидал нашего наступления, подтвердила разведка боем, проведенная накануне наступления во всей полосе нашей 38-й армии и с целью маскировки одновременно во всей полосе 60-й армии. В известной степени этому способствовала и кратковременность подготовки, хотя во многом другом она, разумеется, сказалась отрицательно. О внезапности нашего удара свидетельствовали и показания пленных, захваченных в ходе боев.

Не берусь утверждать столь же уверенно, что наш удар был неожиданным и в оперативном масштабе. Дело в том, что фашистское командование держало свои резервы севернее и южнее Карпат в состоянии высокой готовности. Это и понятно. Ибо в результате разгрома немецко-фашистской группировки в Румынии и успешного продвижения наших войск к восточным границам Венгрии можно было ожидать и наступления Советской Армии через Карпаты с целью выхода на Венгерскую равнину. Кроме того, резервы противника были наготове еще и потому, что они могли срочно потребоваться ему для подавления Словацкого восстания.

Выше уже рассказывалось о предполагавшемся участии Восточнословацкого корпуса в Карпатско-Дуклинской наступательной операции. Заверения полковника Тальского были учтены командующим фронтом И. С. Коневым при разработке плана наступления, и действия названного корпуса являлись бы одним из важных звеньев замысла операции. Ведь речь шла о том, что словацкие дивизии ударят в тыл противнику и, захватив оборонительные сооружения на перевалах, окажут существенное содействие вступлению наших войск в Словакию.

Что же произошло в действительности?

Когда гитлеровцы обрушились на словацких повстанцев, командир Восточнословацкого корпуса генерал Малар призывал, чтобы солдаты оставались в казармах, не поддерживая восстания и не предпринимая намеченного наступления к перевалам. Полковник Тальский не пожелал взять на себя командование корпусом. Он предпочел вылететь во Львов, не отдав войскам никаких распоряжений. Воспользовавшись этим, гитлеровское командование, предприняв наступление на дезорганизованные словацкие дивизии, разоружило их.

Первое известие о трагедии Восточнословацкого корпуса доставили в штаб фронта руководители партизанских отрядов. Поначалу трудно было поверить в случившееся. Но вскоре сообщение полностью подтвердилось. Впоследствии генерал Л. Свобода, президент Чехословацкой Социалистической Республики и бывший командир 1-го чехословацкого армейского корпуса в СССР, квалифицировал действия руководства Восточнословацкого корпуса как предательство².

Итак, выпало важное звено, от которого во многом зависел успех операции. Разоружив Восточнословацкий корпус, противник получил также возможность беспрепятственно перебрасывать в полосу наступления 38-й армии свои войска. Причем

² См. Л. С в о б о д а. От Бузулука до Праги. М., 1969, стр. 278—280.

и из числа уже действовавших против повстанцев, и еще только подтягиваемых в район восстания.

Резкое изменение обстановки, происшедшее вечером 8 и в ночь на 9 сентября, не было известно в тот момент ни командующему фронтом, ни мне. Да в сущности лишь при очень благоприятном стечении обстоятельств мы могли бы ночью в горах обнаружить перегруппировку вражеских войск и мероприятия немцев по организации сопротивления на промежуточном рубеже. Об увеличении сил противника мы узнали уже в ходе наступления 9 сентября. В тот день все силы 38-й армии втянулись в сражение, которое принимало все более упорный и напряженный характер. К врагу продолжали прибывать новые силы, и он непрерывно наносил контрудары. Атаки наших войск следовали одна за другой. Но так как бои постепенно перемещались в горы, удобные для обороны, то трудности наступления возрастали. За день войска продвинулись на 2—6 км. Резкого перелома боев в нашу пользу не произошло ни на флангах, ни в районе действий ударной группировки армий, несмотря на ввод в сражение подвижной группы и второго эшелона. Более того, темп наступления падал. Соотношение сил менялось в пользу противника. К тому же по мере продвижения вперед фронт армии растягивался. Много сил приходилось выделять для надежного прикрытия правого фланга.

Двухдневные бои показали неспособность командиров 25-го танкового и 1-го чехословацкого армейского корпусов генералов Аникушкина и Кратохвила руководить войсками. Поэтому приказами командующего фронтом И. С. Конева они были отстранены от командования. Командиром 25-го танкового корпуса был назначен полковник В. Г. Петровский, 1-го чехословацкого армейского корпуса — генерал Л. Свобода.

В ночь на 10 сентября мы с И. С. Коневым стояли у карты боевых действий армии. Когда я доложил об обстановке, он спросил, каково мое мнение о кандидатуре генерала Л. Свободы на должность командира 1-го чехословацкого армейского корпуса. Я помнил умелые и продуманные действия Л. Свободы в качестве командира батальона во время боевых действий в марте 1943 г. под Харьковом. Хорошо знал и о том, что он успешно руководил бригадой при освобождении Киева, а затем в районе Белой Церкви. Высокие награды Советского правительства, которыми был отмечен генерал Л. Свобода, также подтверждали, что он вполне заслуживает назначения на должность командира корпуса. И. С. Конев, выслушав меня, тут же попросил срочно соединить его по телефону с Верховным Главнокомандующим. Он доложил мотивы назначения генерала Л. Свободы командиром корпуса. Верховный Главнокомандующий одобрил это решение.

В ходе двухдневных боев 38-я армия не смогла прорвать тактическую зону обороны, уничтожить противостоящие войска и развить стремительное наступление к перевалам Карпат. Экстренной переброской войск с других участков фронта врагу ценой больших усилий и жертв удалось затормозить продвижение нашей армии. Мы не перерезали дорогу Ясло—Змигруд Новы — Дукля, и ближайшая цель вражеского командования теперь заключалась в том, чтобы не допустить к ней советские и чехословацкие войска, ибо это шоссе служило единственной рокадной коммуникацией, связывавшей фланговые группировки 1-й танковой армии противника, являлось единственным и наиболее удобным путем для маневра и снабжения воинских частей всем необходимым. То обстоятельство, что для гитлеровцев потеря шоссе означала бы резкое ухудшение их положения и что для нас перехват его стал бы выигрышем, предопределил характер сражения на подступах к нему. Подступы да и само шоссе стали ареной ожесточенных и кровопролитных боев.

Ввиду изменившегося соотношения сил я вынужден был отказаться от постановки глубоких задач на 10 сентября. Было намечено продвижение на 4—8 км. Такое решение диктовалось усилившейся угрозой на нашем правом фланге. Туда командование 1-й танковой армии противника перебросило из Словакии части 78-й пехотной дивизии и армейский штурмовой полк, а из полосы 60-й армии — 544-ю пехотную дивизию. Оттуда и исходила теперь опасность срыва нашей наступательной операции. Командующий фронтом утвердил мое решение. В связи с усилением вражеской группировки и ее возросшим сопротивлением он приказал перебросить из своего резерва 4-й гвардейский танковый корпус под командованием генерал-лейтенанта П. П. Полубоярова на правый фланг полосы наступления 38-й армии.

Утром 10 сентября ударная группировка армии возобновила наступление. Но на всех направлениях противник встретил нас сильным огневым сопротивлением и контратаками. Тревожное это было утро. Легче стало к полудню, когда на правом фланге сосредоточился 4-й гвардейский танковый корпус. Хотя он имел всего лишь 59 танков и 9 самоходных орудий, но его прибытие гарантировало от возможных неожиданностей. Теперь я мог сосредоточить внимание на главном направлении, в частности на районе Кобыляны.

Кобыляны и несколько других населенных пунктов расположены в узкой долине между двух хребтов, вершины которых цепью тянутся на запад. В том же направлении течет небольшая речка Ленки. Ближайшие склоны голые, а дальше горы до самых вершин покрыты лесом. Много глубоких, обрывистых оврагов, на дне которых бегут ручьи. Моросящий дождь, туман, словно мокрая вата, нависший над долинами и ущельями. Глинистая почва, раскисшая от дождей и чрезвычайно затруднявшая движение транспорта и людей. Крутые склоны, с которых то и дело соскальзываешь. Вязкая почва, огромными комьями прилипающая к обуви и к колесам...

Здесь и в мирной обстановке с непривычки так просто не пройдешь, особенно к населенным пунктам Бая и Лазы, расположенным на высоких склонах гор. Нашей же ударной группировке пришлось взбираться туда под огнем врага.

Какие нужны слова, чтобы описать мужество и самоотверженность советских и чехословацких воинов, наступавших через хребет! Войска 101-го и 1-го чехословацкого корпусов с приданными частями кавалеристов и танкистов настойчиво продвигались вперед. Отразив несколько сильных контратак и нанося врагу тяжелые потери, они теснили его все дальше. Мосты отступавшие фашисты за собой взрывали. Но не это нам мешало, ведь приходилось форсировать и не такие реки. Главная трудность была в ином. Выбить противника из селения можно было действиями со скатов близлежащих гор. Но для этого следовало сначала захватить вершины, высившиеся по обе стороны населенного пункта. Взбираться же на них с пулеметами, минометами, орудиями и боеприпасами можно было только на виду у противника и под его огнем. Иногда местность позволяла обходить вершины, но все равно мы должны были и с фронта демонстрировать наступление. Вот когда мы учились, пожалуй, самому трудному на войне — бою в горах.

Не менее тяжел был путь 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Имея задачу нанести удар правым флангом в направлении Палацувки, он под командованием генерала Л. Свободы выполнил ее. Решив использовать успех 183-й стрелковой дивизии, командир корпуса перегруппировал с этой целью 1-ю стрелковую бригаду в район Кобыляны. Оттуда она перешла в наступление и во второй половине дня внезапной атакой овладела населенным пунктом Палацувка. Затем бригада преодолела лес и захватила при поддержке частей той же дивизии высоту 534. Вот как об этом рассказывал впоследствии генерал Л. Свобода.

«На рассвете 11 сентября 1944 года завязались кровопролитные бои советских и чехословацких войск с немецко-фашистскими захватчиками. Высота 534 стала свидетельницей чрезвычайно напряженных боев. Здесь нам пришлось испытать и пережить столько, что, пожалуй, никто из оставшихся в живых участников упомянутых боев никогда не забудет этого... На гребне высоты и ее склонах — десятки мертвых фашистов. Никто из наших не считал, сколько он уничтожил врагов: не до того было. Гитлеровцы сопротивлялись отчаянно. Но справедливый гнев и ненависть к врагу удесят�рили силы чехословацких воинов. Сгиснув зубы, они шли на штурм высоты, которая казалась неприступной»³.

Много высот в Карпатах. Но эта — особая. Она вошла в историю чехословацкой армии. Находясь в двух километрах севернее шоссе Змигруд Новы — Дукля, высота 534 господствует над всей долиной. Гитлеровцы с отчаянным упорством контратаковали чехословацкие части. Высота несколько раз переходила из рук в руки. В один из моментов, когда вершиной владела чехословацкая бригада, ее главные силы спустились в долину и даже перерезали шоссе, за которое, собственно, и шла борьба. Но с наступлением темноты противник несколько раз яростно контратаковал, создав угрозу тылу бригады. Пришлось отвести ее на высоту.

³ Л. С в о б о д а. Указ. соч., стр. 296, 297.

Напряженность боя достигла апогея 12 сентября. В конечном итоге батальон автоматчиков под командованием Героя Советского Союза старшего лейтенанта Сохора закрепился на вершине высоты. В этих боях крепла боевая дружба советских и чехословацких воинов. О многих ее проявлениях рассказал в своей книге генерал Л. Свобода. Вспомнил он и такой случай.

«Едва мы вошли в траншею на высоте, как вблизи начали рваться первые мины вражеских шестиствольных минометов. Кто-то схватил меня сзади и повалил на дно траншеи. Моя голова ткнулась в глину. На мне лежали два человека, и я не мог даже пошевелиться. Несколько сильных взрывов, и снова тишина.

Как я уже говорил, со мной шли два советских офицера. Когда стали рваться мины, они прикрыли меня своим телом.

— Что это значит, товарищи? — спросил я, как только встал на ноги.

— Ничего, товарищ генерал. Просто вам нельзя погибать, — ответил советский капитан»⁴.

Вражеский фронт обороны не был прорван, но важнейшая, единственная коммуникация — шоссе Змигруд Новы — Дукля, связывавшая севернее Карпат фланги 1-й танковой армии противника, была перерезана. Положение неприятеля резко ухудшилось, и его изолированная правофланговая группировка могла быть разгромлена, не получив помощи главных сил 1-й танковой армии. Вражескому командованию, конечно, такая перспектива не нравилась, и оно поспешно перебрасывало крупные силы к шоссе в район Змигруд Новы.

Фашистское командование хотело не только оттеснить нас и восстановить движение своих войск по шоссе. Оно стремилось окружить и уничтожить ударную группировку 38-й армии. Замысел гитлеровцев был тщательно продуман, но его осуществление зависело отнюдь не от них одних. Да и не те были времена. Инициатива принадлежала нам. К тому же мы пришли в Карпаты с достаточным боевым опытом, который помог нам разгадать замысел противника.

Здесь надо отметить, что еще за несколько дней до этого я счел необходимым поставить войскам армии активные задачи на продолжение наступления. Было решено ввести в образовавшуюся в обороне противника брешь 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием В. К. Баранова. Этот необычный в подобных условиях маневр, как мне представлялось, должен был застать врага врасплох. Кроме того, я ожидал, что действия кавкорпуса в оперативной глубине обороны противника приведут к дальнейшему улучшению обстановки для 38-й армии.

Командующий фронтом одобрил это решение. Надо сказать, что И. С. Конев большую часть времени находился в нашей армии и хорошо видел всю сложность обстановки. Его советы и указания, а также оказываемая им помощь играли весьма важную роль в организации и проведении всей операции.

В ночь на 12 сентября кавалеристы начали движение на юг. Они продолжали его также весь следующий день и ночь. Но сразу же началось сказываться отсутствие хороших дорог. Вследствие этого корпус не смог провести за собой артиллерию, танки, самоходные установки и обозы. Этот серьезный недостаток, казалось, мог быть компенсирован внезапностью наступления. Но она содействовала его успеху лишь вначале. В первые же два дня корпус проник на глубину до 18—20 км и пересек чехословацкую границу, вступив на территорию Чехословакии. Затем вновь начались осложнения. На этот раз они явились следствием неудачно сложившихся действий танковых и стрелковых войск. В результате противник закрыл ранее образовавшуюся брешь и отрезал коммуникации, связывающие 1-й гвардейский кавалерийский корпус с главными силами армии.

Обстановка на направлении главного удара 38-й армии осложнилась. Гитлеровцы непрерывно перебрасывали резервы в полосу действий нашей армии. Если в начале операции мы имели общее превосходство в силах и средствах, то теперь об этом не приходилось и говорить. Наоборот, при равном соотношении численности войск противник имел, например, танков, самоходных установок и пулеметов в два с половиной раза больше, чем мы.

⁴ Л. Свобода. Указ. соч., стр. 304.

Означало ли это провал замысла операции? Нет, ни в коем случае. Инициатива принадлежала нам, и советское командование знало, что нужно предпринять в условиях, когда врагу удалось временно изменить в свою пользу разрыв в соотношении сил. По приказу И. С. Конева подтягивались фронтовые резервы и включались по мере необходимости в состав армии. В результате армия по-прежнему обладала всем необходимым для выполнения поставленных задач и, в частности, для поиска и реализации нового решения, соответствовавшего изменившейся обстановке. Полновесной угрозы срыва нашего наступления не существовало. Но обстановка, действительно, была напряженной. Причем при сложившемся соотношении сил исход борьбы зависел, пожалуй, от того, какая из воюющих сторон раньше найдет у противостоящих войск уязвимое место и стремительнее нанесет удар.

Противник искал успеха на правом фланге и в центре полосы наступления 38-й армии. Здесь к середине сентября была сосредоточена его основная группировка войск. Мы же обратили внимание на левый фланг армии, против которого действовали всего лишь две пехотные дивизии — 68-я и 75-я. Главные силы последней оборонялись у Дукли, пытаясь в то же время многочисленными контратаками пехоты и танков с востока захватить занятый нашими частями отрезок шоссе Дукля — Змигруд Новы.

Так было принято решение перенести главные усилия армии на левый фланг. В боевом приказе войскам ставилась задача нанести удар по вражеской группировке восточнее Дукли, лишенной надежных коммуникаций с главными силами врага, и уничтожить ее. К наступлению привлекался 4-й гвардейский танковый корпус, имевший 59 танков и 9 самоходных установок. Совместно со 140-й стрелковой дивизией он должен был отрезать пути отхода войск противника от Дукли на юг, разгромить их, а в дальнейшем соединиться с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом. Выполнению этого замысла должно было способствовать и наступление 1-й гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко. Она наносила одновременно с нами удар на своем правом фланге у г. Санока.

Вместе с левофланговыми войсками перешла в наступление наша главная группировка. Однако она встретила ожесточенное сопротивление противника и большого успеха не имела. В то же время вражеское командование, явно надеявшееся разгромить наши войска и продолжавшее с этой целью сосредоточивать силы у Змигруд Новы, предприняло наступление в районе Мысцовы и к концу дня овладело этим населенным пунктом. В результате ухудшилось положение 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Снабжение его наземным путем прекратилось и теперь осуществлялось только транспортной авиацией.

Но в тот же самый день мы начали расширять прорыв в сторону левого фланга. 4-й гвардейский танковый корпус генерала П. П. Полубоярова и 140-я стрелковая дивизия генерала А. Я. Киселева, сосредоточившись в районе Врублик — Крулевски, нанесли удар в направлении Рыманува, Ясьлиски. К тому же по решению командующего фронтом в состав армии прибыл 31-й танковый корпус. Он также сосредоточился на левом фланге. Теперь наша ударная группа здесь стала сильнее, и ей были поставлены еще более важные задачи.

Основная идея плана состояла в том, что разгрому подвергался изолированный правый фланг 1-й танковой армии противника, а удар наносился в западном направлении с обходом вражеских войск, оборонявших горный хребет. При этом впервые осуществлялось непосредственное взаимодействие с 1-й гвардейской армией 4-го Украинского фронта.

Конечно, ход боевых действий протекал не гладко. На пути танковых корпусов был 3-километровый горный проход шириной от 200 до 500 м. Преодолеть его было далеко не так просто. Гитлеровцы заминировали это ущелье и на его крутых склонах, покрытых лесом, устроили засады. Мосты через р. Вислок, лежавшую на нашем пути, были подготовлены врагом к взрыву.

В то же время в районе Ивли командование 1-й танковой армии противника готовило новый контрудар. Вероятно, оно было не на шутку обеспокоено судьбой своих правофланговых соединений и потерей ближайших коммуникаций, находившихся в наших руках. Стремление овладеть коммуникациями и использовать их в целях снабжения войск изолированного фланга и восстановления маневренных возможностей и

Слева направо: член Военного совета 38-й армии А. А. Епишев, подполковник медицинской службы Н. А. Бердников, командующий 38-й армией К. С. Москаленко, член Военного совета 1-го Украинского фронта К. В. Крайнюков

заставило его сосредоточить для этого три танковые дивизии. Но план противника был сорван в первые же часы боя. День 18 сентября начался атаками вражеских танков со стороны Змигруд Новы. Они были отбиты с помощью артиллерии.

В то время как восточнее Змигруд Новы еще шел жаркий бой, на противоположном, левом фланге 38-й армии начала атаку наша ударная группа. Наибольшего успеха левофланговая группировка 38-й армии добилась 20 сентября. 4-й гвардейский танковый корпус продвинулся на 18 км и вместе с 1-м чехословацким армейским корпусом в этот день овладел населенным пунктом Дукля. Быстрому разгрому вражеских войск на левом фланге 38-й армии способствовал обходный маневр танковых корпусов во взаимодействии с фронтальным ударом. Кроме того, важное значение имели упорные бои правофланговых соединений 1-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника А. А. Гречко.

Чем ближе подходили войска к перевалу, тем менее проходимой становилась местность. И тем яснее становились ошибки, допущенные при планировании и, в частности, при определении темпов продвижения войск. Медленные, по сравнению с намеченными, темпы наступления были прежде всего результатом не полностью учтенных при планировании операции чрезвычайно сложных условий театра военных действий. Такой высокой физической нагрузки на личный состав и интенсивности использования технических средств и транспорта, какими отличалась Карпатско-Дуклинская операция, мы не знали в прошедшие годы войны. Даже форсирование Днепра и операции в период весенней распутицы, пожалуй, потребовали меньшей затраты энергии воинов.

Но тяжесть борьбы не сломила упорства советских бойцов. Ими владела одна мысль—быстрее захватить Дуклинский перевал, преодолеть Карпаты и оказать помощь вставшим. Политдонесения за тот период содержали многочисленные высказывания бойцов, младших командиров и офицеров всех родов войск, объединенных одной мыслью: ни горы, ни фашистские силы не остановят нашего наступления, не помешают Советской Армии помочь народам Европы в освобождении от фашистского ига.

Этой мыслью жило и командование армии. Мы верили, что победа близка, и делали все во имя ее быстрейшего достижения. И все же нет-нет да и думалось: ведь как бы там ни было, а мы не выполнили в запланированный срок поставленную задачу, не про-

рвались в район Словацкого национального восстания. Но вскоре мы узнали, что совсем по-иному действия 38-й армии оценивались в Москве. Об этом нам сообщил А. А. Епишев, 22 сентября, в разгар борьбы с врагом, он возвратился в армию после лечения в госпитале и приступил к исполнению своих обязанностей члена Военного совета. Его рассказ помог составить целостное впечатление о положении дел.

Мне уже было известно, что 18 сентября Ставка Верховного Главнокомандования перебросила в помощь восстанию 1-й истребительный чехословацкий авиационный полк, а вслед за ним и 2-ю чехословацкую воздушнодесантную бригаду⁵. Советское командование направило на помощь повстанцам более 360 т необходимых им грузов. Существенное содействие оказывали и летчики 2-й воздушной армии. Они наносили бомбовые удары по железнодорожным узлам и скоплениям немецко-фашистских войск в Словакии. Важную роль в деле помощи народному восстанию сыграло и то, что во второй половине сентября в наступление, кроме 1-й гвардейской армии, перешли и остальные войска 4-го Украинского фронта — 18-я армия и 17-й гвардейский стрелковый корпус.

А. А. Епишев сказал, что, как считают в Москве, наступление 38-й армии имело чрезвычайно большое значение для поддержки Словацкого национального восстания. Немецко-фашистские войска, сосредоточенные против повстанцев, были срочно переброшены к северу от Карпат в полосу нашего наступления. Это, наряду с непрерывной помощью, поступавшей из Советского Союза воздушным путем, способствовало расширению района восстания, укреплению революционных органов власти и консолидации сил трудящихся Словакии. Особое значение в этом смысле имел первоначальный удар нашей 38-й армии и 107-го стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии, вынудивший противника отвлечь значительные силы от района восстания. В результате положение словацких патриотов было сразу же значительно облегчено. Фашистские планы расправы с ними были сорваны. Москва, говорил А. А. Епишев, шлет в связи с этим свои поздравления 38-й армии и ее командованию и пожелание дальнейших успешных действий. А. А. Епишев подчеркнул, что важное значение операции, проводимой 38-й армией, придает и потому, что она способствовала созданию благоприятных условий для действий войск 1-го Украинского фронта севернее, а войск 2-го Украинского фронта — южнее Карпат.

Чтобы представить это, необходимо обратиться к обстановке на ближайших к полосе 38-й армии участках советско-германского фронта. После окончания Львовско-Сандомирской наступательной операции положение сторон в полосе 1-го Украинского фронта стабилизировалось. В особенности были заинтересованы в передышке немецко-фашистские войска на краковско-силезском направлении, испытывавшие острую нужду в резервах. Но они их не получили. И причиной тому был переход 38-й армии в наступление. Участок фронта гитлеровцев в Карпатах начал с молниеносной быстротой поглощать резервы врага, которые тут же перемалывались нашей армией. Таким образом, их накопление на краковско-силезском направлении было сорвано. Вражеское командование было вынуждено из 20 своих дивизий, оборонявшихся в полосе 1-го Украинского фронта, сосредоточить против 38-й армии до 11. Иначе говоря, противник имел здесь около 55% всех своих сил и средств, действовавших против войск всего 1-го Украинского фронта.

И это в то время, когда севернее от нас другие армии фронта удерживали Сандомирский плацдарм, представлявший собой колоссальную угрозу для фашистской Германии на главнейшем стратегическом направлении. Исходя из трехлетнего опыта войны, можно было предположить, что для ликвидации этого плацдарма гитлеровское командование при наличии резервов не посчиталось бы ни с какими жертвами. Но у него не оказалось необходимых сил, так как большая часть их была скована боями в Карпатах.

Не следует забывать, что резервы остро нужны были вражескому командованию не только в Польше, но и в восточной части Венгрии, где успешно наступали войска 2-го Украинского фронта. И туда, несомненно, была бы направлена часть сил, в первую

⁵ Архив МО СССР, ф. 236, оп. 2712, д. 108, л. 33.

очередь танковые дивизии, если бы не проводилась Карпатско-Дуклинская наступательная операция. В сковывании крупных сил противника и заключалось оперативное значение нашего наступления.

За действиями нашей армии в эти дни по-прежнему неослабно следил командующий фронтом. Уж кто-кто, а И. С. Конев понимал, какой выигрыш получали главные силы фронта от сковывания крупных соединений гитлеровских войск на направлении в Карпатах. Он, конечно, отдавал себе отчет в том, что в ближайшее время трудно ждать здесь решающего перелома. Но тем не менее считал необходимым продолжать Карпатско-Дуклинскую операцию.

Между тем с продвижением войск армии к перевалам через Главный Карпатский хребет условия ведения боевых действий, как уже отмечено, становились все сложнее. Ближайшим и удобнейшим путем в Чехословакию был для нас Дуклинский перевал. Но именно здесь мы и встретились с еще большими трудностями.

Войска армии вошли в скалистую часть Карпат. Каждая высота, которую занимал враг, была превращена в крепость, малодоступную для пехоты, не говоря уже о танках, автомашинах или орудиях на механической тяге. К тому же начались осенние дожди. Они шли почти непрерывно. Окончательно вышли из строя грунтовые дороги. Это создало дополнительные трудности, особенно для артиллерии. Резко ухудшился подвоз материальных средств. В грязи застревали не только повозки и автомашины, но даже танки. Они потеряли свою маневренность и ударную силу, ибо вынуждены были наступать в предбоевых порядках и даже в колоннах вдоль дорог, неся при этом потери. Одним словом, положение было крайне затруднительное. Особенно, если учесть, что даже в первые дни наступления, когда условия были все же менее тяжелыми, войска продвигались медленно. С 8 сентября мы прошли с боями не более 50 км.

В этих условиях, дополнявшихся тем, что противнику удалось значительно изменить первоначальное соотношение сил, предстояло принять решение на продолжение наступления. Было над чем подумать. Стало очевидно, что для выполнения поставленной задачи требовалось найти и применить новые способы ведения боевых действий. Опыт первых недель операции подсказывал многое. Здесь, в горах, приходилось отказаться от постановки войскам задачи на большую глубину, не рассчитывать на высокий темп наступления. Рейд кавкорпуса показал, насколько нецелесообразны ввод подвижных войск в прорыв и развитие их действий в глубине обороны противника в отрыве от стрелковых дивизий. Обстановка вынуждала и танки использовать лишь для непосредственной поддержки пехоты.

Но как же в таком случае разгромить противостоящего врага? Ведь простым вытеснением его нельзя добиться решительной победы. Да и окружение противника в горах с последующим его уничтожением, теоретически возможное, требует многократного превосходства в силах и средствах. И при этом оно практически маловероятно. Не случайно многовековой опыт войн не дал нам примера решительного разгрома неприятельских войск в горных условиях.

Размышляя над способами ведения дальнейшего наступления, я пришел к выводу, что лучшим в данных условиях является метод уничтожения противника в его опорных пунктах и на важнейших высотах сочетанием мощного артиллерийско-минометного огня на узких участках с фронтальными атаками и обходными движениями. Это полностью себя оправдало, в частности 23 сентября в районе южнее Дукли. Произошло это так.

В результате наступления левофланговые соединения 38-й армии приблизились к шоссе, ведущей на Дуклинский перевал. Теперь мы были на расстоянии примерно 12 км от нее. 68-й и 75-й пехотным дивизиям противника было нанесено крупное поражение. Однако полностью их разгромить не удалось. Понеся тяжелые потери, они отошли на заранее подготовленный рубеж, проходивший по склонам и вершинам следующего горного хребта. Теперь недалеко уже был и Главный Карпатский хребет. К северу от него мы и решили нанести удар по вражеской группировке. Разбросанность войск противника на широком фронте, а также близость главного хребта, не позволявшая провести обходный маневр, навели на мысль о нанесении мощного фронтального удара вдоль шоссе. Хотя по условиям местности участок прорыва не мог превышать 2 км, пришлось остановиться на этом варианте.

Риск нанесения удара на узком участке фронта оправдался в бою. Ошеломляющий массированный огонь артиллерии и минометов оказался в высшей степени эффективным. Он был дополнен ударом с воздуха. В течение 40 минут, пока длилась артиллерийская и авиационная подготовка, огневая система и система связи и управления противника были нарушены. Огонь 600 орудийных и минометных стволов смещал с земель вражескую оборону. Как только пехота и танки пошли в атаку, гитлеровцы побросали оружие и в панике бежали на юг. В тот же день наши войска достигли главного хребта. 24 сентября танкисты вышли в горы и, расширяя прорыв в сторону правого фланга, установили непосредственное взаимодействие с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом.

Еще быстрее был расширен прорыв в сторону левого фланга. Оборонявшаяся там группировка противника, оказавшись под угрозой полной изоляции, начала поспешный отход на рубеж главного хребта. Войска левого фланга армии вышли к Главному Карпатскому хребту, по которому проходила польско-чехословацкая граница.

Произведя перегруппировку, мы нанесли следующий удар смежными флангами 101-го и 67-го стрелковых корпусов в юго-западном направлении, на Зборов, с целью перерезать шоссе на дорогу Змигруд Новы—Цеханя. Правофланговые дивизии 67-го стрелкового корпуса начали обходить с запада позиции гитлеровцев, прикрывавшие Дуклинский перевал. В ночь на 6 октября противник наконец начал покидать свои позиции в районе Дуклинского перевала. Днем перевалом овладели советские и чехословацкие войска.

В этом пункте чехословацкие воины достигли государственной границы своей страны. Безмерна была их радость. Несколько лет назад они покинули захваченную врагом Родину, чтобы сражаться с ним за ее пределами. Советский народ дал им оружие, и они вместе с Советской Армией прошли тяжелый, но славный боевой путь. Вместе с ней пришли они теперь, чтобы освободить стонущую под игом фашизма Родину. Воины 1-го Чехословацкого армейского корпуса первыми в числе победителей подошли к рубежам своей страны и установили пограничный столб — символ государственной независимости и неприкосновенности ее границ. И вот уже они освободили первое село Чехословакии — Вышнй Комарник. День вступления чехословацких войск на родную землю стал днем рождения Чехословацкой народной армии. Здесь, на Дуклинском перевале, навечно была скреплена совместно пролитой кровью нерушимая дружба советских и чехословацких воинов, советского и чехословацкого народов.

Приятно вспомнить, что развитию этой дружбы способствовали и воины 38-й армии. Невозможно перечислить всех бойцов, командиров, политработников, коммунистов, комсомольцев и беспартийных, внесших свой вклад в освобождение Чехословакии. Многие из них сложили головы еще на подступах к чехословацкой земле, другим посчастливилось пройти весь путь до Праги, но все они были верными посланцами нашей Родины, несшими народам Чехословакии избавление от фашистского гнета и порабощения.

Неизгладима в моей памяти картина Дуклинского перевала в октябре 1944 г. Низко проносятся над ним тучи, они сыплют мелкий холодный дождь. Лишь иногда сквозь них пробивается луч солнца, как бы символизируя близость победы. По шоссе вперемежку двигаются колонны советских и чехословацких войск. Идут машины с боеприпасами и продовольствием, артиллерия на механической тяге, усталые кони тянут противотанковые орудия. Саперы с миноискателями прощупывают кюветы и обочины.

Чехословацкие воины шагают счастливые, возбужденные, сняв в знак торжественности переживаемого момента головные уборы. У пограничного столба идут последние приготовления к митингу. Вот уже натянуто над шоссе широкое полотнище. На нем надпись на русском и чешском языках: «Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей. Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!» Здесь, на Дуклинском перевале, из уст чехословацких воинов прозвучал лозунг: «С Советским Союзом на вечные времена!», подхваченный всеми патриотами Чехословакии. Митинг торжественный, волнующий. У многих на глазах слезы радости. Выступающие говорят проникновенно, вкладывая всю душу в свои слова. Тщетно старался скрыть волнение и генерал Л. Свобода, только что встречавшийся с жителями освобожденного села Вышнй Комарник.

Символ неразрывной чехословацко-советской дружбы.
Памятник воинам-освободителям у Дуклинского перевала

Весть об овладении Дуклинским перевалом разнеслась по всем войскам армии вселив в них стремление закрепить этот успех новыми ударами по врагу. Но обстановка становилась все более сложной. Чтобы не ввязываться в затяжные бои, мы то и дело меняли направление ударов. Однако и противник, маневрируя резервами, бросал их повсюду, где мы переходили в наступление.

Так продолжалось до конца октября. К этому времени мы достигли линии, начинавшейся к востоку от Ясло и заканчивавшейся у населенного пункта Чертижне, на стыке с 4-м Украинским фронтом. В районе, контролируемом восставшими словаками, события приняли неблагоприятный поворот. Территория, которую занимали повстанцы, была захвачена врагом. Только партизанские отряды продолжали мужественно сражаться, перенеся боевые действия в горы.

Попытки наступать далее натолкнулись на резко усилившееся сопротивление противника, использовавшего заранее подготовленный рубеж. 28 октября 1944 г. наша армия перешла к обороне, готовясь к новой наступательной операции.

Победа, достигнутая в ожесточенных боях на Карпатских перевалах, досталась нам дорогой ценой. Там, в горах, лесах и ущельях, пали смертью храбрых и пролили свою кровь десятки тысяч советских воинов. Карпатско-Дуклинская операция была тяжелой и кровопролитной. Но не напрасно сложили свои головы те воины-освободители. В этих боях немецко-фашистским войскам было нанесено тяжелое поражение. Только с 8 сентября по 30 октября враг потерял убитыми и ранеными около 52 тыс. солдат и офицеров, 185 танков и штурмовых орудий, 73 бронетранспортера, а также сотни орудий, минометов, пулеметов, винтовок.

Итак, трудный путь к словацкой земле остался позади. А что было впереди? Куда поведут нас теперь дороги войны?

Всю войну каждый советский воин лелеял мечту участвовать в разгроме фашистского зверя в его собственном логове. Страстно желал, готовился к этому и я. Одно время казалось несомненным, что наша армия, прошедшая славный боевой путь от

Днепра до Карпат, одна из самых больших в составе 1-го Украинского фронта и всегда выполнявшая в его операциях одну из основных задач, вместе с остальными его войсками будет наступать на главном, берлинском направлении. На это горячо надеялся каждый наш солдат, офицер, генерал. Но потом, в ходе Карпатско-Дуклинской операции, мы начали все глубже втягиваться в горы, все дальше уходить от остальных войск 1-го Украинского фронта. В то время как они продолжали готовиться к наступлению на кратчайшем направлении к Германии, мы оказались к юго-западу от него, в самом сердце Карпат. И ближайшими нашими соседями, действовавшими в том же направлении, что и мы, стали армии 4-го Украинского фронта. Вот почему нет-нет да и приходила мысль: не видать нашей армии берлинского направления.

Так и получилось. 29 ноября 1944 г. директивой Ставки 38-я армия была передана в состав 4-го Украинского фронта. Жаль было расставаться со ставшим родным 1-м Украинским фронтом. Наш фронт всегда был одним из самых сильных. И теперь он имел по сравнению с 4-м Украинским почти втрое больше общевойсковых армий, да, кроме того, две танковые армии, целый ряд отдельных танковых, кавалерийских и артиллерийских корпусов, а также другие средства усиления. Ему предстояло играть важную роль именно в уничтожении врага в его логове. Не хотелось расставаться и с командованием фронта, всегда хорошо относившимся к армии и лично ко мне. И. С. Конев рассказывал, что, будучи в Москве, он просил Верховного Главнокомандующего не выводить 38-ю армию из состава 1-го Украинского фронта. Но И. В. Сталин ответил, что взамен фронт получит другие, полностью укомплектованные армии.

Итак, прощай славный боевой фронт, с которым я прошел длинный победный путь от Дона до Вислы. А мы будем сражаться там, где это предназначено нам для блага общего дела.

Окончание следует

